

В сикстинском плафоне Микеланджело пришел к полной зрелости своего мастерства. В общей композиции плафона он решил труднейшую задачу, найдя такое его архитектурное членение, которое, несмотря на обилие фигур, давало возможность достичь не только логической последовательности изображений и ясной обозримости каждой из бесчисленных фигур в отдельности, но и впечатления полного архитектурного единства гигантской росписи.

В соответствии с принципами монументальной живописи Возрождения роспись не разрушает архитектуру свода и стен, а, напротив, энергично обогащает ее, усиливая ее пластическую ощутимость. Что касается живописи фигур, то здесь пластическое начало доминирует безраздельно — в этом отношении фрески плафона служат наглядным выражением известных слов Микеланджело: «Наилучшей будет та живопись, которая ближе всего к рельефу».

Изобразительный язык Микеланджело за несколько лет работы в капелле пережил некоторую эволюцию: более поздние фигуры крупнее по размерам, усилилась их патетическая выразительность, усложнилось их движение, но характерная для Микеланджело повышенная пластичность, чеканная ясность линий и объемов сохраняются в них в полной мере.

Скорбные, трагические ноты отдельных образов плафона усиливаются в композициях распалубок и люнетов, исполненных мастером в последний год его работы в капелле. Если в персонажах, помещенных в распалубках, преобладают настроения покоя, созерцательности, тихой печали, то в люнетах действующие лица охвачены беспокойством, тревогой; покой переходит в застылость и оцепенение (илл. 88). В изображениях предков Христа, где казались естественными чувства родственной близости, внутренней солидарности, Микеланджело воплотил совершенно иные переживания. Одни из участников этих сцен полны равнодушия, другие охвачены